

М. Винавер

Из области цивилистики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
М11

М11 **М. Винавер**
Из области цивилистики / М. Винавер – М.: Книга по Требованию, 2021. –
342 с.

ISBN 978-5-458-64475-4

ISBN 978-5-458-64475-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ X ТОМА.

Вопросъ объ истинномъ происхожденіи нашихъ гражданскихъ законовъ имѣетъ не только теоретическій, научный, но и практическій интересъ. Мысль о составленіи новаго гражданскаго уложенія, занимавшая нашихъ законодателей въ теченіе слишкомъ 100 лѣтъ и временно заглохшая послѣ составленія Свода, недавно опять возродилась и въ началѣ 80-хъ годовъ вызвала къ жизни комиссію для составленія гражданскаго уложенія. Но чуть-ли не съ самаго возникновенія этой комиссіи въ обществѣ появилась враждебное ей теченіе, грозящее при первомъ удобномъ случаѣ уничтожить какъ самую комиссію, такъ и вообще мысль о составленіи новаго уложенія. Основаніемъ для этого направленія служить идея о сводномъ характерѣ дѣйствующаго закона, о самобытности его нормъ, о крѣпкой связи ихъ съ породившею ихъ жизнью—связи, ради которой стоитъ пожертвовать предполагаемою полнотою, ясностью и стройностью новаго кодекса, построеннаго сообразно съ указаніями новѣйшей науки. Отсюда прямой выводъ: оставить въ силѣ X томъ, каковъ онъ есть, и отказаться отъ мысли о составленіи новаго уложенія.

Давно дознано, что когда человѣкъ отказывается разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно, и постоянно утверждаетъ лишь, что хорошо все то, что мое, дурно то, что не мое,—оснается одно средство убѣдить его, что то, что онъ

считаетъ хорошимъ, на самомъ дѣлѣ дурно, именно: доказать, что оно „не свое“. Иными словами: необходимо выяснить, въ самомъ ли дѣлѣ самобытны начала, установленныя Сводомъ, не заимствованы ли и они изъ иностранныхъ кодексовъ и учебниковъ.

Сверхъ сего вопросъ о происхожденіи институтовъ нашего гражданскаго права, очевидно, имѣетъ практическое значеніе еще и потому, что знаніе дѣйствительнаго источника закона даетъ возможность провѣрить правильность его толкованія,—выяснить, не дала ли недомолвка или неясность въ законѣ простора для построенія теорій, несогласныхъ съ существомъ заимствованныхъ отношеній, и не возведено ли случайное противорѣчіе или неполнота въ самомъ законѣ на степень чего-то предусмотрѣннаго, а, слѣдовательно, должнаго. У насъ такая провѣрка приобретаетъ особенное значеніе въ виду того, что кассационной инстанціи пришлось почти всецѣло создавать нѣкоторые институты права по ничтожнымъ обломкамъ, кое-гдѣ разбросаннымъ на всемъ пространствѣ X тома.

1826-й годъ принято считать рубежомъ между двумя эпохами исторія нашей кодификаціи. Въ теченіе 126 лѣтъ, начиная съ 1700 г., законодательство колебалось между двумя видами кодификаціи: между уложеніемъ своднымъ, какъ его тогда называли, т. е. между собраніемъ дѣйствующихъ законовъ безъ всякихъ въ нихъ измѣненій, и уложеніемъ новымъ, дополненнымъ и исправленнымъ „изъ общихъ началъ законовѣдѣнія“ (такъ опредѣлена была, напримѣръ, задача коммисіи 1803 г.). Въ теченіе 126 лѣтъ назначались, съ цѣлью составленія уложенія, десять коммисій, которымъ попеременно предлагалась на разрѣшеніе то та, то другая задача, а инымъ предлагались и обѣ заразъ. Преобладала однако въ коммисіяхъ идея о составленіи новаго уложенія, и работы тѣхъ

даже комиссій, которымъ было поручено составить уложеніе сводное, разсматривались часто лишь, какъ притовительныя для составленія новаго уложенія. И только въ 1826 г., когда Сперанскій представилъ Императору Николаю Павловичу на выборъ одну изъ этихъ двухъ системъ, „Государю Императору“, какъ говоритъ Сперанскій, „благоугодно было рѣшительно избрать первую, т. е. составить Сводъ законовъ „безъ всякихъ измѣненій“ ¹⁾. Этотъ рѣшительный выборъ, устранившій официально всякую мысль о новомъ уложеніи и, главное, освященный затѣмъ изданіемъ Свода законовъ „безъ всякихъ измѣненій“, какъ о томъ официально заявлялось,—съ формальной точки зрѣнія дѣйствительно носитъ характеръ перехода въ исторіи нашей кодификаціи; съ этой точки зрѣнія 1826 годъ дѣйствительно обозначаетъ собою новую эру. Но этой эры нельзя усмотрѣть, если точнѣе приглядѣться къ внутреннему содержанію Свода, такъ же какъ нельзя ее усмотрѣть и въ жизни составителя Свода, оставившаго слишкомъ замѣтную печать своихъ личныхъ симпатій на своемъ произведеніи.

Съ легкой руки біографа Сперанскаго, барона Корфа, пущено въ ходъ мнѣніе, будто взгляды Сперанскаго на государственное устройство вообще, и на вопросъ о характерѣ кодификаціи въ особенности, подверглись во второй половинѣ его жизни крутой перемѣнѣ. „Въ періодъ своей дѣятельности Сперанскій,—по словамъ барона Корфа,—напитанный Наполеоновскими идеями, не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называя его варварскимъ и находилъ совершенно бесполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію ²⁾.... Новый Сперанскій, Сперанскій

¹⁾ Обзоръ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ. С.-П.-Б., 1837 г., стр. 69.

²⁾ Бар. Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, С.-П.-Б., 1861 г., т. I, стр. 154.

1826 г. поставилъ себѣ задачею уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе и отъ теоріи, отъ чисто-книжнаго, онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы¹⁾.

Эта мысль о внутреннемъ переворотѣ, совершившемся въ Сперанскомъ, питаетъ и поддерживаетъ убѣжденіе въ самобытности Свода и во всякомъ случаѣ служить для многихъ полнымъ ручательствомъ въ добросовѣстномъ исполненіи Сперанскимъ возложенной на него задачи. И пока, думается намъ, эта мысль не будетъ опровергнута посредствомъ болѣе правильнаго истолкованія образа дѣйствій Сперанскаго, до тѣхъ поръ самыя очевидныя доказательства сознательнаго уклоненія Сперанскаго отъ воспроизведенія исключительно самобытныхъ началъ нашего права не будутъ достаточно убѣдительны. А между тѣмъ стоитъ прослѣдить внимательно жизнь Сперанскаго, чтобы убѣдиться, что источникомъ для сужденія о переворотѣ, совершившемся яко-бы въ Сперанскомъ, служить именно та самая слѣпая вѣра въ самобытность Свода и ничего больше.

Напрасно было бы искать въ его жизни какаго-либо мотива, который бы могъ видоизмѣнить его взгляды, дать иное направленіе его симпатіямъ. Съ первыхъ шаговъ своихъ на поприщѣ государственной дѣятельности Сперанскій заявилъ себя сторонникомъ идей западно-европейскихъ мыслителей. Благодаря ли основательному его знакомству съ французскимъ языкомъ и вслѣдствіе этого съ французскою литературою, — благодаря ли тому, что по свойству своего ума, болѣе склоннаго къ діалектикѣ, чѣмъ къ сосредоточенію и созерцанію, ему были болѣе сродни французы, — благодаря ли обаятельному вліанію личности Наполеона; но воображеніе Сперанскаго осо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 311.

бенно плѣнялось всёгда тѣмъ, что исходило изъ Франціи. Это преклоненіе его передъ всѣмъ французскимъ особенно усилилось послѣ Эрфуртскаго свиданія Александра I съ Наполеономъ, при которомъ присутствовалъ въ свитѣ Императора Александра и Сперанскій. „Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ французскомъ дворѣ“, говоритъ его биографъ, „Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодого преобразователя“.

„Уже прежде приверженный отъ души къ французской системѣ централизаціи и усердный почитатель Наполеонова кодекса—онъ, по словамъ современника Розенкампа ¹⁾, съ тѣхъ поръ какъ побывалъ вблизи самаго источника, вполне увѣрился, что подобное чудо можно и должно совершить и у насъ. Дѣло же было и не слишкомъ мудреное. Французскій кодексъ состоятъ всего на всего изъ 1800 §§, и передать ихъ въ прекрасныхъ русскихъ фразахъ можно безъ большаго труда въ какой-нибудь годъ“.

Съ французскаго свиданія начинается у Александра I съ Сперанскимъ самая оживленная преобразовательная работа, охватившая всѣ области государственной жизни. Не оставлена была безъ вниманія и настоятельно чувствовавшаяся необходимость реформы законовъ гражданскихъ. Плодомъ сознанія этой необходимости явился выработанный Сперанскимъ проектъ уложенія 1810 г., составляющій въ большей своей части точный списокъ съ Наполеонова кодекса, съ нѣкоторыми лишь намѣненіями, заимствованными или непосредственно изъ *Corpus juris*, или изъ современныхъ кодексовъ, между прочимъ изъ австрійскаго. Сперанскій самъ впоследствии, во время опалы, хотя и не

¹⁾ Тамъ же, стр. 150—151.

сознавался въ заимствованіяхъ изъ французскаго кодекса, но не отрицалъ, что проектъ былъ построенъ на началахъ римскаго права. „Искали доказать“, говоритъ онъ, „что уложеніе переведено съ французскаго или есть близкое подражаніе. Ложь или незнаніе, кои изобличить не трудно: въ источникъ своемъ, въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ ихъ источниковъ можно почерпнуть прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ“.

Въ пылу своей реформаторской дѣятельности, весь ею увлеченный, Сперанскій не замѣчалъ, какъ надъ нимъ стали собираться тучи, и не зналъ о готовившейся ему участи до самаго того момента, когда она уже была окончательно рѣшена. Въ 1812 г., въ самомъ разгарѣ своихъ увлеченій, Сперанскій былъ отправленъ въ ссылку. Вернулся онъ въ Петербургъ лишь девять лѣтъ спустя, и за всѣ эти девять лѣтъ, хотя у насъ имѣются весьма точныя о немъ свѣдѣнія, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, указывающихъ на какой-либо переворотъ въ его внутренней жизни, на перемѣну во взглядахъ или симпатіяхъ. Онъ не высказывалъ теперь громко, какъ въ былое время, своего *profession de foi*, ибо высказывать его было опасно, но онъ и не говорилъ ничего, что шло бы въ разрѣзъ съ прежнимъ его образомъ мыслей, хотя это вѣроятно было бы хорошо принято. То же замѣчается и во весь послѣдующій періодъ его жизни,— послѣ возвращенія его ко двору, облеченія въ высокую должность члена Государственнаго Совѣта и даже послѣ исполненія имъ той задачи, которая болѣе всего говоритъ противъ него, т. е. послѣ соотавленія Свода. Ни въ одной изъ многочисленныхъ оставшихся послѣ него бумагъ, ни въ одномъ воспоминаніи современниковъ нѣтъ и намекъ на то, чтобы Сперанскій когда либо осуждалъ свой прежній образъ

мыслей или просто высказывать что-либо съ нимъ несогласное.

Но если образъ мыслей не измѣнился, то образъ дѣйствій измѣнился несомнѣнно. Французскія симпатіи Сперанскаго, такъ рѣзко проявившіяся въ первую половину его дѣятельности, слишкомъ дорого ему стоили. На первыхъ же порахъ онѣ вызвали негодованіе, охватившее сразу довольно значительные слои общества и разливавшееся все болѣе широкою волною, по мѣрѣ приближенія отечественной войны. Негодованіе это ешло себѣ наконецъ рѣзкаго и талантливаго выразителя въ Карамзинѣ, разразившемся противъ Сперанскаго цѣлымъ потокомъ патетическихъ тирадъ, между прочимъ и по поводу проекта новаго уложенія. „Издаются двѣ книжки подъ именемъ уложенія“—пишетъ онъ.—„Что жъ находимъ? Переводъ Наполеонова кодекса! Какое изумленіе для Россіякъ, какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служить уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около 1900 лѣтъ, для того ли около 100 лѣтъ трудится надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подвергнуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранность, однако-жъ не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими; ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже 9 уложеній, если-бы надлежало только переводить.... Никто изъ русскихъ, читалъ этотъ проектъ, не догадался бы,

что онъ читаетъ наше гражданское уложеніе, если-бы не стояло того въ заглавіи: все не русское, все не по-русски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ.... Есть даже вещи смѣшныя въ проектѣ, напр., „младенецъ, рожденный мертвымъ, не послѣдуетъ“. Если законодатель будетъ говорить подобныя истины, то онъ наполнить оными сто тысячъ книгъ! Я искалъ сей аксіомы въ Code Napoléon и вмѣсто нея нашелъ: *Celui n'est pas encore enfant qui n'est pas né viable*. Здѣсь переводчики дѣлаются авторами. Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы французскіе, хотя бы оныя и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданскому состоянію? Мы всѣ, любящіе Россію, Государя ея, славу, благоденствіе, всѣ такъ ненавидимъ сей народъ, обогранный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ,—и въ это время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святыи алтарь отечества!“.

На почвѣ всеобщаго негодованія противъ Сперанскаго выросла и гнуснѣйшая клевета, лишняя всякихъ основаній, оказавшаяся однако достаточною, чтобы погубить Сперанскаго.

Цѣлые годы заставили его томиться въ ссылкѣ, въ глухомъ губернскомъ городѣ, подъ неуслыннымъ надзоромъ мѣстныхъ полицейскихъ властей; въ знакъ милости лишь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, позволили занять мѣсто губернатора одной изъ внутреннихъ губерній,—ему, котораго иностранные посланники въ своихъ донесеніяхъ не колебались называть фактическимъ первымъ министромъ, если не единственнымъ министромъ ¹⁾), — наконецъ въ преклонномъ возрастѣ оторвали его отъ семьи и послали въ Сибирь, утратить расхолодившихся сибирскихъ чиновниковъ,—и все

¹⁾ Le grand et tout-puissant Speransky, secrétaire général de l'Empire et dans le fait premier ministre, peut être même ministre unique (Correspondance politique de Joseph de Maistre. Paris 1861. I. 68).

за то, что онъ имѣлъ неосторожность ясно высказывать свое убѣжденіе о необходимости поучиться у Европы и что откровенно и послѣдовательно проводилъ этотъ взглядъ въ своей дѣятельности. Урокъ былъ весьма поучителенъ. Поучительно было въ частности и то, что случилось въ Государственномъ Совѣтѣ съ проектомъ уложенія Сперанскаго. Двѣ части этого уложенія (права личныя и права вещественныя) были рассмотрѣны еще при участіи Сперанскаго. Третья часть (права по договорамъ) была внесена въ Государственный Совѣтъ уже въ 1813 г., и тогда же оказалось полезнымъ рассмотреть вновь обѣ первыя части, а затѣмъ найдено было еще болѣе полезнымъ и совсѣмъ отложить рассмотрѣніе проекта, подъ предлогомъ необходимости составленія предварительнаго свода дѣйствующихъ законовъ.

Истинные мотивы такого рѣшенія Государственного Совѣта были выяснены Сперанскому послѣ возвращенія его въ Петербургъ, въ запискѣ, поданной ему управляющимъ государственной канцеляріею Оленинымъ.

„Сія часть дѣяній верховнаго совѣщательнаго сословія“,—говоримось въ этой запискѣ,—„доказываетъ, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди, когда они руководствуются однимъ только долговременнымъ навывкомъ. Сіи, впрочемъ опытные люди, уstraшенные, частію и не безъ причины, превратностью и дерзновоніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтиться даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства, какія-нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ мнѣнію, къ испроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно

видѣ—испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми—принять былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣть, что даже и неполное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ немаловажную численность бумажныхъ рукописныхъ книгъ, или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и четверку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса сихъ законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ на 248 страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по долговременной привычкѣ видѣть огромныя кппы существующихъ законовъ, трудно имъ было вдругъ постигнуть и убѣдиться въ томъ, что, отбросивъ изъ оныхъ все, что составляетъ обыкновенную форму предисловія, объясненія, повѣствованія и общепринятаго Сенатомъ заключенія, также встрѣчающіяся иногда повторенія, что за отдѣленіемъ всѣхъ таковыхъ излишествъ при составленіи полнаго и систематическаго уложенія, самое существо закона содержится обыкновенно въ нѣсколькихъ строкахъ и что потому какъ гражданское уложеніе, такъ и всѣ другія коренныя узаконенія, во всей ихъ полнотѣ могутъ быть весьма удобно помѣщены въ маломъ числѣ небольшихъ печатныхъ книгъ“.

Въ 1821 г. Сперанскій вернулся въ Петербургъ. Онъ былъ вновь допущенъ ко двору, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но прежняго довѣрія болѣе не возбуждалъ. Государь обошелся съ нимъ холодно и, несмотря на усилія Сперанскаго, ни разу не позволялъ ему заговорить о прошломъ и оправдаться во вводимыхъ на него подозрѣніяхъ. Старыя обвиненія все еще видимо тяготѣли